

Пропавший эльфийский принц, или Великий Отсутствующий Персонаж в контексте творчества Дж. Р. Р. Толкина

Мурзин Н. Н.,
Институт философии РАН,
shywriter@yandex.ru

Аннотация. Творчество Толкина предоставляет как простому читателю, так и исследователю обширный простор для интерпретаций и собственных построений – оно насыщено множеством аллюзий, развивает самые разные темы, использует самые разнообразные литературные приемы. Однако на сегодняшний день внутренней логике и взаимосвязи толкиновских произведений посвящено куда меньше работ, нежели внешним ассоциациям, формирующим их восприятие, будь то параллели исторические, мифологические или художественные. Одному из таких внутренних лейтмотивов творчества Толкина и посвящена данная статья. Автор, базируясь на главной трилогии Толкина («Хоббит», «Властелин Колец», «Сильмариллион»), но с привлечением и меньших произведений, рассматривает сквозную для них тему «отсутствующего персонажа», пытаясь на ее примере пояснить некоторые странности и темные места толкиновских текстов, до сих пор вызывающие массу обсуждений и догадок.

Ключевые слова: Толкин, Ницше, Платон, сюжет, персонаж, атрибут, артефакт.

§1. Мечи, кольчуги и другие наплывы прошлого

«Но прежде чем Пиппин и Мерри, вышедшие первыми, достигли лестницы, в зал ворвался огромный орк. Почти с человека ростом, в черной кольчуге с головы до пят, плосколицый, с длинным красным языком, он большим щитом отбил меч Боромира, увернулся от удара Арагорна, словно стремительно атакующая змея, ворвался в гущу отряда и с размаху ударил Фродо копьем, отбросив и пригвоздив хоббита к стене. Сэм заорал дурным голосом и перерубил древко копья»¹.

Данная сцена эпического романа Дж. Р. Р. Толкина «Властелин Колец» описывает одно из множества испытаний, выпавших на долю Братства Кольца в подземельях Мории – бывшего великого царства гномов, захваченного и разоренного орками, отвратительными существами, служащими злу. Хоббит Фродо, хранитель Кольца Всевластья, едва не погибает в Зале Мазарбул от страшного удара орочьего копья. Однако мысленно простившиеся с ним товарищи вскоре понимают, что поторопились.

*« - Я в порядке, - прохрипел Фродо. - Отпусти меня, я сам пойду.
Арагорн чуть не уронил его от удивления.
- Я думал, ты мертвый! - вскричал он»².*

¹ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 271.

² Там же.

Что там опытный в сражениях воин Арагорн – даже маг Гэндальф, их проводник и защитник, был поражен (если только не притворялся).

« - Я как ты, Фродо? Сейчас, конечно, не время, но я в жизни так не радовался, когда услышал твой голос. Я ведь был уверен, что Арагорн несет отважного, но мертвого хоббита.

- Со мной все в порядке, - ответил Фродо. - Жив и даже, по-моему, цел. Бок болит, ушиб, наверно, сильный. А так – ничего.

- Ну и ну, - проговорил Арагорн. - Пожалуй, такого крепкого народа я еще не встречал. Такой удар дикого кабана прошибет!

- Я не кабан, - попробовал улыбнуться Фродо, - и меня, как видишь, не прошибло. Но чувствовал я себя как между молотом и наковальней.

- Ты похож на Бильбо, - сказал Гэндальф. - Я ему давно говорил: внутри у тебя больше, чем снаружи.

Фродо попытался сообразить, не имел ли маг в виду больше, чем сказал»³.

Намеки Гэндальфа оправданны: дело, конечно, не в особенной крепости хоббитов – хотя из романа делается ясно, что они и впрямь существа стойкие и выносливые. Разгадка относительной неуязвимости Фродо проста: он носил под дорожной одеждой кольчугу из серебряной стали – мифрила – которую подарил ему его дядя Бильбо. Самому же Бильбо она досталась в дар от гнома Торина, которому Бильбо помогал вернуть сокровища гномов, украденные драконом Смаугом. Приключения Бильбо легли в основу книги «Хоббит», ставшей как бы предварением «Властелина Колец» (хотя, когда сам Толкин брался за «Хоббита», он еще об этом не знал).

Вот как описано вручение Бильбо кольчуги в «Хоббите»:

«Гномы снимали со стен кольчуги и оружие и надели на себя. Как царственно выглядел сейчас Торин, облаченный в золотую чешуйчатую кольчугу, в поясе, затканном алыми рубинами, держащий в руке топор с серебряной рукоятью!

- Мистер Бэггинс! - окликнул он. - Получайте первую награду в счет вашей доли! Сбросьте старый плащ и наденьте вот это!

И он накиннул на Бильбо небольшую кольчужку, сплетенную в давние времена для какого-нибудь принца эльфов. К этой кольчуге из серебряной стали, называемой у эльфов мифрил, полагался пояс из жемчугов и хрусталя»⁴.

Из другого фрагмента мы узнаем, что мифриловая кольчуга крепостью втрое превышает стальную⁵.

Переживая за безопасность Фродо, постаревший Бильбо дарит отправляющемуся в обитель зла, Мордор, племяннику и кольчугу, и другой важный артефакт из своего приключения – меч (или кинжал) Шершень.

«Он достал со дна сундука небольшой меч в старых потертых ножнах, потянул за рукоять, и на свету неожиданно остро сверкнула ухоженная сталь без единого изъяна.

- Это мой Шершень, - объявил он и без особых усилий вогнал меч в деревянную балку. - Возьми, если хочешь. Мне-то он вряд ли теперь пригодится.

Фродо принял прославленное оружие с благодарностью.

- Здесь у меня и еще кое-что есть. - Бильбо достал сверток. Размотав несколько слоев ткани, хоббит поднял на руках и встряхнул кольчугу. Она поражала гибкостью и

³ Там же. С. 273.

⁴ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или туда и Обратно. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. С. 248.

⁵ Там же. С. 239.

на ощупь показалась Фродо очень холодной. Переливающееся серебристое нагрудье украшали белые камни. Следом из сундука явился и пояс к ней, тоже богато украшенный хрусталем и жемчугами.

- Неплохая вещица, правда? - любясь кольчугой, сказал Бильбо. - И весьма полезная. Это мне Тторин подарил. Когда наденешь, веса совсем не чувствуется. Давай-ка надень под куртку. И знаешь, пусть это будет наш секрет. Просто мне спокойней, если я знаю, что она на тебе.

Бильбо ловко накиннул на него кольчугу, застегнул пояс и пристегнул меч.

- Вполне нормальный вид, - удовлетворенно произнес Бильбо, оглядывая племянника. - Теперь у тебя внутри больше, чем снаружи.

- Даже не знаю, как благодарить тебя за все, что ты для меня сделал, - смущенно проговорил Фродо.

- И не думай! - Старый хоббит отошел от окна и хлопнул племянника по спине. - Ого! - воскликнул он, тряся ушибленной рукой. - Швердоват ты стал!⁶

В схватке с орками в Зале Мазарбул кольчуга полностью оправдала ожидания и надежды, возложенные на нее Бильбо. В результате Фродо остался жив после удара копья, чем немало удивил – и обрадовал, конечно – своих спутников. Еще большее потрясение они испытали, когда секрет открылся.

«Арагорн бережно стащил с Фродо куртку, потом рубашку, присвистнул в удивлении и расхохотался. У него перед глазами свет мерцал и переливался на мириадах колечек. Следопыт осторожно снял кольчугу, расправил, и она зазвенела у него в руках, а жемчужины засияли, как крупные звезды.

- Посмотрите-ка, друзья! – позвал Арагорн. - Вот прелестная хоббичья шкурка. В пору эльфийских князей обряжать»⁷.

Причем тут эльфийские князья? У Толкина в оригинале это звучит так: here's a pretty hobbit skin, to wrap an elven princeling in. В «Хоббите» о кольчуге сказано то же самое: что она-де «сплетена в давние времена для какого-нибудь принца эльфов». Автор озвучивает эту версию не как догадку, с приставками вроде «наверное», «возможно», а как факт, он просто это говорит, хотя и не уточняет, не входит в детали. То есть, имеется в виду, что однажды эта кольчуга была изготовлена для ребенка, для маленького эльфийского принца. Понятно, почему так важен именно детский размер по сюжету: придуманные Толкином хоббиты – существа маленького роста, оттого они и прозываются «полуросликами»; одежда или оружие, годные для взрослого человека или эльфа, им попросту не по плечу и не по руке. А Толкин, само собой, хотел снабдить своих героев какой-нибудь (а на деле, очень даже неплохой) защитой в их опасных приключениях – и при этом сделать это по возможности беспарочно, ненавязчиво. Значит, подходящие вещи должны были найтись, как бы сами подвернулись по пути, но иметь какое-то собственное объяснение, почему они такие, а не быть специально изготовлены и торжественно преподнесены главным героям от лица всех свободных народов. Тем более, не будем забывать, что первое появление этих прославленных артефактов приходится на «Хоббита», а это книга еще вполне себе детская: сказочная, легкая и ироничная. Ясно, что между строк в нее уже «забит» весь огромный и детально проработанный толкиновский мир, но в подобающую ему величественную форму он там еще не развернут.

Итак, почему кольчуга – пока сосредоточимся на ней – такая, понятно. Не очень понятно другое. У Толкина ведь была возможность, абсолютно не утруждая себя,

⁶ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. Сс. 235-236.

⁷ Там же. С. 279-280.

избежать темы «эльфийского принца» в объяснении происхождения и особенности кольчуги Бильбо/Фродо. В том же «Хоббите», в сцене, по времени предшествующей дарению кольчуги Торинном, гномы, предвкушая возвращение сокровищ Эребора, отнятых у них драконом Смаугом, перебирают в памяти все, что должно быть в Горе.

«Здесь разговор обратился на сами сокровища и на отдельные вещи, которые запомнили Торин и Балин. Сохранились ли в целости копья, изготовленные для армий великого короля Бледортина, давно уже умершего? Копья с трижды закаленными наконечниками и древками, искусно украшенными золотом – их так и не успели передать королю и получить за них плату. Щиты, выкованные для давно погибших воинов. Большой золотой кубок Трора, с двумя ручками, чеканкой и резьбой, изображавшими птиц и цветы. Кольчуги, позолоченные и посеребренные и непробиваемые. Ожерелье властелина Дейла, Гириона, из пятисот ярко-зеленых изумрудов, которое он отдал гномам в уплату за сработанную ими кольчугу для старшего сына – никто никогда не носил подобной кольчуги из мелких колец чистого серебра, крепостью втрое превышающей стальную»⁸.

Дейл, напомним, был городом людей, стоявшим у врат в гномье царство Эребор – Одинокую Гору. Когда Смауг захватил Эребор, он сжег и опустошил Дейл. Гирион погиб, но его дети выжили, и именно Бард, потомок Гириона, выпустил, в конце концов, стрелу, сразившую Смауга. Так что счастливым (относительно) финалом приключения с драконом все персонажи «Хоббита» могли быть, в частности, обязаны сберегшей потомков Гириона гномьей кольчуге. Понятно, что это вряд ли могла быть та самая кольчуга – иначе как бы она вернулась внутрь горы, чтобы затем, когда придет час, стать подарком Торина для Бильбо? Но почему соображение такого же рода не смутило и не остановило Толкина, когда он десять страниц спустя уже совершенно определенно, в авторском тексте, указал, что кольчуга, врученная Бильбо, была изготовлена для принца эльфов? Ведь тоже можно было задаться вопросом, почему она тогда здесь, почему не «дошла до заказчика», и все в таком духе. И не обязательно кольчуге Бильбо было оказаться кольчугой именно для сына Гириона – она вполне могла оказаться кольчугой, сделанной для какого-нибудь человеческого ребенка, пусть знатного рода. Но, как будто спеша развеять все сомнения, Толкин «вызывает на сцену» своего рода «эксперта», авторитетного свидетеля – и это эльфийский король, Трандуил (в «Хоббите» еще безымянный). Он подтверждает версию, на которой остановился Толкин.

«Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на диковину.

- Бильбо Бэггинс! - сказал он. - Ты более достоин носить королевские доспехи эльфов, чем многие из тех, на ком они сидят лучше»⁹.

Итак, истина установлена – кому, как не королю эльфов, разбираться в вещах, предназначенных для эльфов? Остается вопрос, почему для Толкина эта, в общем-то, побочная деталь имела такое значение, почему он так хотел, чтобы кольчуга Бильбо/Фродо непременно оказалась одеянием эльфийского принца, и никого иного? Мы знаем, что, «раскрутив» историю с другой, казалось бы, такой же мелочью – маленьким колечком, найденным Бильбо в подгорных тоннелях гоблинов – Толкин (и мы все вместе с ним) получил ни много, ни мало сюжет «Властелина Колец». Так что невнимательным к деталям Толкина при всем желании назвать трудно. И потом, «волшебные вещи», принадлежавшие Бильбо, а затем Фродо, сыграли весьма значительную роль в том, как развернулись истории «Хоббита» и «Властелина Колец». Т.о., недооценивать эти якобы побочные линии не стоит. Тем более, что они могут оказаться вовсе не такими уж

⁸ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или туда и Обратно. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. С. 239.

⁹ Там же. С. 283.

побочными и пролить неожиданный свет на некоторые загадочные места толкиновского эпоса – после чего вряд ли кому придет в голову сомневаться в важности этих тем и утверждать, что интерес к ним надуман, раздут и преувеличен.

Первое наше предположение будет заключаться в том, что Толкин, возможно, хотел теснее связать два дара Бильбо – кольчугу и меч. Это не столь абсурдно, как может выглядеть. Меч, мы знаем, точно эльфийский – хотя с ним та же история, что и с кольчугой: он маленький и тянет скорее на кинжал или опять-таки на *детское* оружие. При этом меч приходит в текст как бы с другого его края – его не дарят по линии гномов или гномовских сокровищ, он «просто» попадает по дороге, точнее, в пещере троллей, от которых Бильбо и компания спасаются благодаря счастливому случаю. Вот как это описано у Толкина:

«Еще там имелись мечи – самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.»

Гэндальф и Шорин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был все равно что маленький карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

- Сразу видно – клинки отличные, – сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. – Их ковали не тролли и не люди из здешних краев, и сделаны они не в наше время. Когда разберем руны, узнаем о них больше¹⁰».

Гэндальф держит слово: буквально сразу после этого компания попадает в эльфийское владение Ривенделл, где им выпадает шанс получить подробную консультацию по всем интересующим их вопросам у мудрого Элронда, тамошнего правителя. И тот не подводит ни героев, ни автора, ни читателя.

«Элронд в совершенстве знал руны. Он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

- Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов – ведь драконы и гоблины разрушили Гондолин много веков назад.

- Интересно, как они попали к троллям? – проговорил Шорин, с любопытством разглядывая свой меч.

- Наверняка сказать нельзя, – ответил Элронд, – но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или раскопали остатки чужих трофеев, припрятанных где-то в горах¹¹».

Историю древнего эльфийского княжества Гондолин и его падения можно прочесть в «Сильмариллионе», который не зря называют Библией толкиновского мира – это фундаментальная история, отсчитывающая время от его сотворения младшими богами-демиургами под руководством верховного божества. Толкин работал над «Сильмариллионом» всю жизнь, но так и не успел подготовить к печати в удовлетворившей бы его самой форме. В результате книга увидела свет уже после смерти Толкина, доведенная до ума сыном Толкина Кристофером. Однако именно ее, а не «Властелин Колец», написанный по ходу дела (что не отменяет ни значения книги, ни сил и таланта, потраченных автором на нее), Толкин почитал за главный свой труд. Он начал

¹⁰ Там же. С. 56.

¹¹ Там же. С. 65.

работу над ней еще в юности, сразу после окончания Первой мировой, в которой погибли двое его друзей. Собственно, точнее будет сказать, что работал он не столько над «Сильмариллионом», сколько над своим миром: все должно было сойтись, все истории – обрести свое место в нем. Потому и «Хоббит», начинавшийся, казалось бы, как детская сказка про забавных существ, быстро начал вырывать к узловым моментам толкиновской убер-истории. Планировал ли Толкин использовать «Хоббита» как своего рода трамплин для прыжка, более простой и легкий ход в ту же реальность, куда вели трудные, эпические врата «Сильмариллиона», сказать трудно. В конце концов, так оно и вышло, хотя соответствующим трамплином для большинства читателей стал уже «Властелин Колец», где между сказочностью «Хоббита» и эпичностью «Сильмариллиона» был достигнут идеальный баланс.

Для чего нам понадобился экскурс в историю Гондолина, станет ясно чуть позже. Пока же вернемся к мечам, найденным у троллей – и к мечу Бильбо в частности. Очень скоро они выручают героев в опаснейшей переделке – те попадают в плен к гоблинам в горах. В этом эпизоде Толкин снова применяет свой коронный прием – как бы между делом заставляет кого-то выступить в роли важного свидетеля, подтверждающего некую гипотезу. Правда, в данном случае этот «кто-то», по иронии, не маг и не мудрый эльф.

«Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В свое время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов».

Итак, предположения Элронда оправданны. Но этого мало; эльфийские мечи (и не только мечи) – необычное оружие.

«Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мертвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте. Меч вернулся в ножны¹²».

Меч не действовал совсем сам по себе – это было бы слишком. Но некоторые специфические свойства у него все же имелись.

«Конечно же, все это было делом рук Гэндальфа. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов¹³».

Это не были чары Гэндальфа. Чуть позже Бильбо, отбившийся от основной компании, оказывается в полной темноте. *«Охлопывая себя кругом, он наткнулся на рукоять кинжала, который взял в пещере троллей и о котором совсем забыл. Хорошо, что гоблины не заметили его – он был засунут за пояс. Бильбо вытащил кинжал из ножен – и тот слабо засветился во мраке».*

«Значит, тоже изделие эльфов, - подумал Бильбо, - а гоблины, хоть и не рядом, но и не так далеко».

Он немного успокоился. Все-таки замечательно иметь при себе оружие, сделанное в Гондолине для войны с гоблинами, о которой пелось столько песен¹⁴».

Как если бы этого все-таки было недостаточно для построения целиком убедительной доказательной базы, Толкин уже в финале книги описывает, как в битве с

¹² Там же. С. 78.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 82.

гоблинами выглядит эльфийское оружие в руках самих эльфов, чтобы первоисточник свечения не вызывал более никаких вопросов.

«Первыми в атаку бросились эльфы. Их воодушевляла ожесточенная холодная ненависть к гоблинам. Так сильна была их злоба, что копья и мечи в их руках светились во тьме холодным сиянием¹⁵».

Итак, кинжал Бильбо – эльфийская вещь, сомневаться не приходится.

Впрочем, Толкин использует мотив зачарованного оружия, подходящего на помощь своим обладателям, если те – хорошие и попали в беду, не обязательно апеллируя к эльфам. Во «Властелине Колец» Фродо и его друзья, пытаясь скрыться от преследующих их Черных Всадников – слуг Темного Властелина Саурона, посланных им вернуть Кольцо Всевластья – совершают роковую ошибку, зайдя в глухие места, где хватает и иных опасностей. Там они становятся добычей Нежити из Упокоищ – древних курганов в сердце дремучего леса. Но Фродо побеждает Нежить оружием из тех же курганов; когда-то оно было выковано для битв с темными существами, а потом брошено здесь. Эти мечи становятся для хоббитов верным оружием, а меч Фродо даже спасает его от предводителя Всадников, Короля-Чародея, тоже проявляя необычные свойства.

«Черные фигуры вдруг вырисовались перед ним совершенно отчетливо. Теперь он мог рассмотреть их. Пятеро. Двое стоят на кромке лощины. Трое приближаются. Безжалостные глаза горят жутким фосфорическим светом. Под плащами – серые саваны. На пепельных волосах – боевые шлемы. Иссохшие руки сжимают длинные стальные мечи. Вот их взгляды скрестились на тщедушной фигурке, и они двинулись вперед. В отчаянии Фродо вытащил свой меч и... удивился. Клинок рдел алым светом и рассыпал искры, словно головня, выхваченная из костра. Двое остановились. Третий, выше всех ростом, с короной поверх шлема, шагнул вперед. В правой руке он сжимал обнаженный меч, в левой – кинжал, испускавший мертвенное призрачное сияние. Он бросился к Фродо. Хоббит прыгнул к земле и ударил клинком куда-то в ногу противника. Тут же его левое плечо пронзила ледяная боль¹⁶».

Меч Фродо не выдержал этого поединка и преломился. Поэтому в Ривенделле оправивший от раны Фродо с радостью принимает от Бильбо его эльфийский кинжал. Но другой меч из той же сокровищницы достигает своей цели – правда, в другой битве и в руке другого хоббита, Мерри, который защищал роханскую княжну Эовин, вступившую в сражение с Королем-Чародеем на Полях Пеленнора.

«Черный Всадник уже стоял перед нею, огромный и грозный. Со злобным криком, неестественным для слуха, он нанес удар палицей. Щит Эовин разлетелся, рука, державшая его, переломилась, а сама она зашаталась и упала на колени. Тогда Всадник навис над ней как туча и вновь взмахнул палицей, чтобы нанести последний удар... Но вдруг он отпрянул, вскрикнув от страшной боли, и удар палицы, не повредив Эовин, обрушился на земл. Это Мерри вонзил в него сзади свой клинок из Упокоища, пробив черный плащ и невидимое тело ниже панциря. В тот же миг Эовин, привстав, последним усилием вонзила меч в пустоту между плащом и короной¹⁷».

Очнувшись после страшного боя, Мерри «начал искать свой меч. Вскоре он увидел его, но клинок дымился, как ветка, брошенная в костер, и пока Мерри изумленно смотрел, он съёжился, истлел и исчез. Так ушло оружие из Упокоищ, созданное руками

¹⁵ Там же. С. 294.

¹⁶ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 166-167.

¹⁷ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 174.

мастеров Северного Княжества. Тот, кто неторопливо ковал его много веков назад, остался доволен судьбой меча. Ведь в ту пору лавным врагом молодого Арнора был Король-Чародей из Ангмара. Ни один другой меч, даже в самой могучей руке, не смог бы нанести вождю назгулов смертельной раны, не смог бы разрубить узы, скреплявшие незримое тело с черной душой¹⁸».

Здесь Толкин доводит до совершенства смыслообразующий для него мотив связи времен, начала и завершения, повторения схожей ситуации и достижения цели. И эльфийский кинжал Бильбо, и древние мечи из Упокоища были выкованы с определенной целью: один – для войны с гоблинами, другие – для войны с Королем-Чародеем. Они начинали светиться при приближении врага и помогали в схватке с ним даже при неопытности руки, державшей их. Их предназначение было сильнее случайности – и даже, пожалуй, исключало эту самую случайность, делало подобранных их персонажей не такими уж случайными и малозначащими, как можно было бы подумать. Недаром нечто странное случилось с Мерри сразу после Упокоищ. Нежить, заманившая их туда, обездвижила их и приготовилась, очевидно, убить; при этом, следуя какому-то своему ритуалу, она обрядила их в одежды из Упокоищ. Спасшись и окончательно очнувшись, они «с недоумением оглядели друг друга. Такой вид мог удивить кого угодно: в белых саванах, увенчанные и препоясанные тусклым золотом, в позвякивающих кольцах и браслетах...

- Что за чудеса? - начал Мерри, поправляя обруч, сползший ему на один глаз. Вдруг он запнулся, тень пробежала по лицу, веки опустились. - Помню, - глухо проговорил он. - Люди из Карн Дума напали на нас в ночи. Мы были разбиты!.. Копье! - вскрикнул он, схватившись за грудь. Потом, помотав головой, открыл глаза. - Что это я плету? - смущенно спросил он. - Сплю, что ли?¹⁹»

Через оружие, драгоценность, иной значимый артефакт, несущий на себе отпечаток воли создателя, его могущества, мысли, моральных устремлений (не говоря уже о значимости и благородстве материального компонента) – прошлое проникает в настоящее и будущее, находит способ реализовать невыполненное, подбирает подходящего исполнителя. Великолепнейший пример такого рода – само Кольцо Всевластья, создание Саурона и носитель его темной воли, воли-к-власти. Но, как мы видим, положительным героям «Властелина Колец» помогают иные артефакты – может, и не столь могущественные, как Единое Кольцо, но тоже играющие роль магических связующих нитей между прошлым и настоящим, поддерживающие их в борьбе со злом. В случае Мерри – и, как мы дальше увидим, в случае Фродо тоже, хотя Толкин никогда не говорил об этом напрямую и не делал это специально подчеркиваемой темой своих произведений – мы имеем интереснейший случай такого взаимопроникновения реальностей, своего рода *положительную одержимость*.

§2. Храни меня, мой талисман

Если сказка (или «волшебная история», как ее величал Толкин) – прямая наследница, даже младшая сестра мифа (на чем настаивают многие), то ее герой должен, как и бог – герой мифа, быть окружен волшебством, характерными волшебными приметами, отличительными чертами, присущими только ему. Зевс и молния-керавн, Посейдон и трезубец, Аполлон и серебряный лук – некоторым образом нерасторжимы,

¹⁸ Там же. С. 176.

¹⁹ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 125.

неотделимы друг от друга, по крайней мере, в рамках культурной парадигмы, к которой принадлежат и они, и воспринимающие их. Атрибуты богов переходят (пусть в качестве одолженных) Персею, герою-человеку, собравшемуся убить чудовище – Медузу Горгону. В наше время примеров тоже хватает; собственно, история тем удачнее (или популярнее), чем запоминаемее фигура героя, чем проще и быстрее она опознается по набору примет. Скажите «Гарри Поттер» – и вы мгновенно получите треснутые очки, хогвартсовский шарф, сову в клетке, волшебную палочку, мантию-невидимку и, что важнее прочего, шрам-молнию на лбу. Понятно, почему шрам важнее всего остального – он есть только у Гарри, он знак его отличия, отмеченности, избранности.

Толкин, сознательно или интуитивно, понимал и принимал этот закон. Более того, он во многом и сформулировал его для современной фантастической литературы, создал хрестоматийные, матричные примеры его применения. Герой волшебной истории просто обязан владеть необычными, подчеркивающими его особый статус артефактами. Конечно, будучи настолько обобщенной и огрубленной, эта мысль превращается просто в один из пунктов, которые цинично перечисляют на своих семинарах и мастер-классах знатоки схем, рассказывающие, как создать и продвинуть «настоящее фэнтези», применяя несколько простых, но действенных приемов и ходов. Но – увы или на радость всем нам – от этого она не становится ни менее правильной, ни менее глубокой. Более того, эти вещи, волшебные дары, могут восприниматься не только как приложение к герою, но обладать собственной смысловой глубиной, иллюстрировать какую-то важную мысль автора, с героем прямо не связанную – хотя, как известно, Толкин отвергал интерпретацию лембаса (эльфийских походных хлебцев) как аллегии святого причастия.

Итак, Толкину было важно снабдить своего героя – сначала Бильбо, а потом и Фродо – волшебными вещами, помогающими, оберегающими и отличающими его от всех остальных. А поскольку в мире Толкина источником всего хорошего (хотя порой и опасного, потому что превышающего все человекообразное) волшебства выступали эльфы, то, само собой, эти вещи должны были иметь отчетливое эльфийское происхождение. С другой стороны, Толкин уважал правдоподобность и достоверность; просто обрушить на героя вещи, которыми бы тот никак не смог обладать или управляться, он явно не планировал. Все надо было сделать аккуратно, без белых ниток, но в то же время и захватывающе; не пожертвовать ни убедительностью реализма, ни свободным духом сказки. Поэтому вещи должны были подходить герою (иначе смех один), но не быть специально для него, маленького смешного хоббита, сделанными. *Так постепенно возник образ героя-хоббита как маленького эльфа.* Это только поначалу кажется абсурдным; если мы читаемся во «Властелина Колец», мы обнаружим эту линию проходящей через все повествование.

Рискну также предположить, что число «три» имело для Толкина определенное значение (Джоан Роулинг, автор «Гарри Поттера», просто построила на троице Даров Смерти и объединяющем их героем весь метасюжет своей эпопеи). Дав Бильбо меч и кольчугу, Толкин, наверное, ощутил: чего-то не хватает.

Не найденного ли в подгорных тоннелях волшебного кольца?

Да, *теперь* мы знаем, что это было за кольцо. Но Толкин-то поначалу этого не знал. Превратить найденное Бильбо кольцо-невидимку в Единое Великое Кольцо, Кольцо Всевластья, центральное звено цепи магических колец, выкованное самим Темным Властелином Сауроном, который однажды лишился его и теперь стремится снова завладеть им – эта идея пришла Толкину только, когда он застрял в работе над продолжением «Хоббита», которое буквально выжимал из него его издатель, ободренный небывалым успехом у современного читателя сказки о драконах, сокровищах,

приключениях и невиданных краях²⁰. Возможно, первоначально кольцо-невидимка было именно что кольцом-невидимкой (в дополнение к светящемуся мечу и неуязвимой кольчуге) – одним из слагаемых безопасности и успеха героя в рискованных ситуациях и суровых испытаниях. Другого такие дары могли бы развратить и направить по опасному пути – но недаром они достались (точнее, были вручены автором) забавному, маленькому, добродушному хоббиту-обывателю из ширской глубинки с окраины Средиземья. Да и подогнаны они были как раз под его размерчик. В пользу этой версии говорят два обстоятельства. Первое – фольклорность образа Бильбо у самих хоббитов, упоминаемая во «Властелине Колец». После затравочного переполоха с исчезновением (Бильбо, объявив, что уходит, надел Кольцо прямо во время празднования своего юбилея), о старом хоббите *«судачили год, а вспоминали и того больше. Со временем он, исчезающий с треском и блеском, а появляющийся с мешком золота и драгоценных камней, стал любимым героем всяческих баек и страшных историй, из тех, что так хорошо слушаются зимой у камина»²¹*. Здесь кольцо-невидимка просто атрибут волшебного героя. И во-вторых, достаточно просто задуматься: зачем вообще Кольцу Всевластья делать своего носителя *невидимым*? Возможно, в этом и есть какая-то огромная, великая метафора. Но непосредственно по сюжету это, конечно, натяжка. Толкин пытался обосновать ее множеством разных способов: от простой констатации Гэндальфа: *«ведь в нем могут таиться и другие силы, кроме тех, что для невидимости»²²*, до выверта восприятия у Сэма, спутника Фродо, который, надев Кольцо, чувствует себя *«не невидимым, а наоборот, единственно видимым»²³*. Но, так или иначе, свойство делать носителя невидимым естественно для простого кольца-невидимки, но странно для Кольца Всевластья, созданного Сауроном для себя. Саурон, когда носил Кольцо, вовсе не становился невидимым. Можно, конечно, предположить тут множество тонкостей, которые Толкин не то что не прописал – даже не намекнул на них. Но проще, мне кажется, признать: все дело в сложности писательской работы, в произвольности (пускай и неизбежной) тех или иных сюжетных поворотов. Чтобы спасти книгу (т.е., чтобы получить возможность ее вообще написать, чтобы стало понятно, о чем она), автору *понадобилось превратить* кольцо-невидимку Бильбо в Кольцо Всевластья – о чем есть запись-свидетельство самого Толкина. Конечно, к этому можно было хорошо подвести – но провалы в объяснении остались. Впрочем, выгода – создание великого романа – перевесила.

Итак, в результате кольцо стало-таки источником разврата и выбыло из списка «хороших волшебных вещей», неотъемлемых атрибутов главного героя волшебной истории. Фродо остается номинальным владельцем Кольца и его хранителем, но отныне его задача – избавиться от рокового сокровища, уничтожить его и спасти тем самым Средиземье от власти Саурона (который с гибелью Кольца лишится всей вложенной в его создание мощи и развоплотится). Продолжая, возможно, следовать магической формуле «трех предметов», Толкин дает изможденному после подземелий Мории братству Кольца пристанище в блаженном эльфийском царстве Лориэн, где Фродо получает от владычицы эльфов, Галадриэль, третий (вдобавок к мечу и кольчуге) волшебный дар – хрустальный фиал со светом Эарендила, любимой звезды эльфов, символа финальной победы над злом в «Сильмариллионе».

²⁰ Эта эпопея красочно изложена в биографии Толкина авторства Х. Карпентера.

²¹ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 45.

²² Там же. С. 43.

²³ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 99.

« - Ну вот, теперь остался только ты, Хранитель Кольца, - обратилась она к Фродо. - Ты последний ждешь моих слов, но не последний в моих мыслях. Для тебя у меня приготовлен особый дар. - Галадриэль подняла хрустальный фиал, и от ее руки брызнули лучи белого света. - Здесь пойман и сбережен свет Эарендила, отразившийся в моем Зеркале. Чем чернее ночь вокруг тебя, тем ярче будет он освещать твой путь. Ему гореть там, где погаснут все другие огни²⁴».

Так и случается. На пути в Мордор, царство Саурона, где Кольцо было создано и где его только и можно уничтожить, Горлум, невольный проводник хоббитов и прежний обладатель Кольца, обманом привлекает Фродо и Сэма в логово Шелоб, гигантской паучихи, сторожащей тайную тропу в темную страну. Таким образом он планировал избавиться от хоббитов и вернуть себе свою «прелесть».

«Булькающее шипение приближалось. Оно сопровождалось непонятным скрипом, словно во мраке двигалось что-то большое, суставчатое.

- Фродо, Фродо! - закричал Сэм. - Подарок! Подарок, чтобы светить во мраке, она так говорила! Скорее, звездную склянку!

- Звездную склянку? - растерянно повторил Фродо. - Ну конечно! Как я мог забыть! Ему гореть там, где погаснут другие огни! - лихорадочно прошептал он.

Его рука поднялась к груди и достала фиал Галадриэль. В первый момент он едва мерцал, как звезда сквозь густой туман, а потом свет усилился и засиял, как серебряное пламя. Мрак отпрянул, воздух вокруг превратился в светящийся хрусталь, и рука, держащая фиал, засветилась белым огнем. Пораженный Фродо смотрел на этот чудесный светоч. Он и не подозревал, какая сила скрыта в нем.

- Айя Эарендил Эленион Анкалима! - прозвучало в тишине, и Фродо сам удивился непонятным, но, несомненно, им произнесенным словам. Казалось, кто-то другой говорил через него, говорил ясным голосом, совершенно не ощущая зловония этой ямы²⁵».

Кто-то другой...

Когда Сэму приходится временно взять у Фродо его талисманы, образ волшебного героя, как бы облекающий героя обычного, но не сливающийся с ним, накладывается уже на него, причем опять же артефакты играют в формировании этого образа первостепенную роль. Орки, нашедшие Фродо, пытаются дедуктивно, так сказать, воссоздать по оставшимся на месте обнаружения хоббита следам картину схватки в логове Шелоб и вычислить, кто мог быть попутчиком Фродо, ранившим паучиху и скрывшимся. Сэм, спрятавшийся неподалеку, слышит их разговор.

« - Подумай хорошенько, если умеешь. Это не шутки. Никто, слышишь ты, никто и никогда не втыкал ничего в Шелоб. Здесь бродит на свободе кто-то опаснее всякого мятежника в недоброе старое время Великой Осады. Что-то проскользнуло-таки!

- Так что же это такое? - прорычал Шаграт.

- Судя по всему, доблестный Шаграт, это какой-то могучий воин, скорее всего - эльф, во всяком случае - с эльфийским мечом, а то и с топором в придачу. И он разгуливает здесь свободно, а ты так и не заметил! - Горбаг сплюнул, а Сэм мрачно усмехнулся, услышав, как его расписывают²⁶».

²⁴ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 312.

²⁵ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 89.

²⁶ Там же. С. 102.

Конечно, Сэм не заносится и не теряет головы, тем более помня о соблазнах Кольца, тоже рисующего у него в воображении картины возможного величия.

«Кольцо не помогало, а только усиливало тревогу. На виду у Ородруина, возле великого пламени, в котором Оно родилось, сила и власть Кольца росли. Только могучая воля могла укротить Его. Чувствуя тяжесть на шее, Сэм ощущал себя словно одетым в собственную огромную искаженную тень. Кольцо искушало его, подтачивая волю и разум, рождало безумные фантазии. Вот он, Сэм Могучий, Герой Всего Мира, скачет с пламенным мечом в руке, собирает войска и ведет их на Барад Дур. Вот разошлись тучи, засияло солнце, и по велению Сэма Горгоратская долина зазеленела и оделась садами. Надо только надеть Кольцо, объявить себя Его хозяином, и все сбудется!

В этот роковой час Сэма спасла не только преданность другу и ответственность за судьбы Средиземья. Простой здравый смысл говорил, что он не годится для таких свершений, даже если бы они оказались не только приманкой Врага. Маленький садик вольного садовника, а не сад величиной с королевство – вот что ему нужно²⁷».

И все же, мрачно иронизируя или движимый иными психологическими мотивами, Сэм, явившись вызволять Фродо из плена в крепости орков, принимает невольно уловленные последними правила игры.

« - Эй вы, там! - закричал он, с трудом заставляя голос не дрожать. - Скажите Шаграту, что явился великий воин, эльф с волшебным мечом!²⁸»

В шутку или нет, перевоплощение совершилось.

«Сэм так и застыл на месте. Потом он услышал приближающиеся шаги. Кто-то торопливо сбегал по гулкой лестнице сверху.

Воля Сэма не смогла остановить его руку, потянувшуюся к цепочке Кольца. Но он не успел надеть Его: в тот самый миг, когда пальцы охватили цепь, по лестнице с лязгом и стуком скатился орк. Выскочив из темной ниши справа, он бежал прямо на Сэма и заметил его только, когда был шагах в шести. Но не маленького испуганного хоббита увидел он перед собой, а высокую, темную, безмолвную тень со сверкающим длинным мечом в одной руке; в другой, прижатой к груди, скрывалась могучая и страшная угроза, для которой не было названия.

Орк, согнувшись от ужаса, с пронзительным воплем повернулся и бросился обратно. Сэм, донельзя обрадованный своей неожиданной победой, заорал и погнался за врагом.

- Ага! Что, видели эльфа-воина? - кричал он²⁹».

§3. Метаморфозы героя

Артефакты у Толкина – не просто материальные вещи с вложенной в них магической энергией, равной x и непроницаемой как атом. Они несут на себе отпечаток воли, мысли и личности создателя, хранят память о событиях далекого прошлого. Таковы,

²⁷ Там же. С. 217.

²⁸ Там же. С. 219.

²⁹ Там же. С. 220.

например, палантиры, «видящие камни», созданные в незапамятные времена эльфом Феанором. Гэндальф, когда в его руки попадает один из них, говорит о нем так:

« - А как он влечет к себе! Разве я сам не чувствовал этого? Даже сейчас мне хочется испытать на нем волю, посмотреть, не смогу ли я вырвать его из-под власти Врага и повернуть куда захочу. Заглянуть через глубины времени и пространства, увидеть чудные руки и несравненный ум Феанора за работой, в те дни, когда Белое и Золотое Деревья стояли в цвету!³⁰»

Денетор, правитель Гондора, обладавший другим палантиром, в отчаянии кончает с собой на костре.

«Денетор схватил лежащий на столе жезл Правителя и, сломав о колено, бросил в огонь. Потом он прижал палантир к груди обеими руками и лег. Говорят, что с тех пор всякий, заглянувший в этот камень, если его воля была недостаточна, чтобы направить взгляд к другой цели, видел в нем только две старческие, обугленные руки³¹.»

Артефакты могут выступать как своего рода психопомпы, проводники души – той или иной, туда или обратно, в пространстве или во времени. Толкин не говорит этого напрямую, но несомненно допускает; главный аргумент против для него здесь не то, что это невозможно, а то, что это может быть опасно. Впрочем, эльфы, как правило, благи, и созданное ими тоже направлено во благо. Мы видим это на примере плащей из Лориэна, подаренных членам Братства Кольца.

«Каждому путнику вручили по плащу из легкой, но теплой шелковистой ткани местной выделки. Странно было видеть, как материя плащей меняет цвет в зависимости от освещения. Плащи могли становиться серыми, как лесные сумерки, или зелеными, под цвет листвы на деревьях, или коричневыми, как осенние травы в лугах, или тускло-серебристыми, как озеро под звездами.

- Они волшебные? - спросил Типпин, удивленно разглядывая диковинную одежду.

- Что ты имеешь в виду? - не понял эльф. - Это хорошая дорожная одежда, удобная и красивая. И ткань хорошая, здесь сделана. Одним словом, настоящие эльфийские плащи. Листья и ветви, воды и камни Лориэна отдали им свои краски. У нас всегда так: о чем мы думаем, то и привносим в работу³².»

Галадриэль тоже не очень-то жалуется идею какой-то отдельной, самостоятельной, нейтральной магии – и соответственно, вмещающих ее предметов.

«Водой из ручья Владычица наполнила чашу до краев,дохнула на воду и, подождав немного, заговорила:

- Это – мое Зеркало. Я привела вас сюда, чтобы вы могли заглянуть в него.

- Зачем нам смотреть и что мы можем там увидеть? - холодея от неясных предчувствий, спросил Фродо.

- По моему слову Зеркало может открыть многое. Одним оно покажет их затаенные желания, другим – совсем неожиданные вещи. Если предоставить Зеркалу свободу, даже я не буду знать, что оно покажет. Это может быть видением прошлого, настоящего или будущего. Вы хотите взглянуть?»

Фродо молчал.

³⁰ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 443.

³¹ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 183.

³² Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 307.

- Ну а ты? - повернулась Владычица к Сэму. - По-моему, именно это твой народ называет настоящим волшебством. Хотя, мне кажется, тем же самым словом у вас именуют хитрости Врага³³».

Итак, никакой абстрактной магии нет; это всегда проекция личности и ее воли – правда, проекция, не стесненная теми онтологическими ограничениями, которые мы привыкли воспринимать как *conditio humana* и вообще *status quo* мира. Недаром Толкин говорил о своих эльфах, что «они созданы человеком по своему образу и подобию, но избавлены от ограничений, которые сильнее всего гнетут его. Они бессмертны, и воля их властна напрямую воплощать то, что желанно воображению³⁴».

Стало быть, не «волшебная» вещь возвышает героя, любого и случайного. Герой сам по себе должен быть кем-то. Какова же личность Фродо? Кольцо не просто так досталось ему: сам Гэндальф уверен в этом. Галадриэль тоже высоко его ставит.

«Галадриэль рассмеялась.

- Мудрая Владычица Лориэна встретила достойного собеседника!.. Я испытала твое сердце при нашей первой встрече, но ты сравнивал счет уже при второй³⁵». Правда, она сразу же добавляет: «Твоя ноша делает тебя прозорливым³⁶». В чем конкретно это выражается? Вот как Галадриэль это видит: «Разве Гэндальф не объяснил тебе, что сила Кольца соответствует силе обладателя? Прежде чем распорядиться Кольцом Всевластия, тебе надо было бы набрать собственную силу и употребить ее для порабощения других. Но и без того твое внутреннее зрение обострилось. Ты уже читаешь в сердцах Мудрых³⁷».

Мы возвращаемся к гипотезе влияния Кольца. Но Фродо и без Кольца непросто. Попробуем немного разобраться в нем.

Фродо отличается от других хоббитов – для начала даже не тонкостями психологии, а внешностью и происхождением. Вот как Гэндальф описывает приметы Фродо хозяину гостиницы, в которую его направляет: «Этот повыше все-таки, посветлее, на подбородке – ямочка, ясноглазый и, знаешь, задиристый такой³⁸». Если верить генеалогии хоббитов, данной во «Прологе», Фродо может происходить из хоббитов-лесовиков.

«Существовало три хоббитских рода-племени: Мохноноги – посмуглее, поменьше других ростом, но и попроворнее – предпочитали холмы и взгорья; Хваты – большерукые и крепконогие, кряжистей других хоббитов – населяли равнины и речные долины; ну а светлокожие и светловолосые, высокие и гибкие Лесовики, само собой, всем прочим местам предпочитали лесные дебри... Лесовиков-северян и во все-то времена было немного. Ходили они в друзьях у эльфов и, видно, от Дивного Народа переняли способность к языкам и пенью, а вот в ремеслах не преуспели... Смешавшись с родичами, пришедшими раньше их, они в итоге не затерялись, а будучи по натуре дерзкими и готовыми идти на риск, часто становились вождями в кланах Мохноногов и Хватов. Даже во времена Бильбо крепкие корни Лесовиков жили в уважаемых родах Шуков и хозяев Заскочья³⁹». Т.е., ровно там, откуда Фродо родом. Обозлившись на юного наследника Бильбо, его склочная родственница не находит для Фродо худшего

³³ Там же. С. 300.

³⁴ Цит. по Карпентер Х. Толкин. Биография. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 148.

³⁵ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 303.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 144.

³⁹ Там же. С. 15.

оскорбления, чем *«Брендискоқ ты, вот ты кто!⁴⁰»*. Да и помимо этого свидетельства, все сходится. Фродо по натуре лидер – поэтому он становится предводителем сначала группы хоббитов, уходящих из Шира, а позже – Хранителем Кольца и центральной фигурой Братства; при этом он по-эльфийски способен к языкам и учтивому общению, и вообще в меру «эльфичен». С эльфами он общается легко и естественно.

«Фродо ел, пил и разговаривал с радостью, но при этом следил за своими словами. Он все-таки немного разбирал по-эльфийски и усердно прислушивался, не уставая благодарить угощавших его на их родном языке. Они улыбались и говорили друг другу:

- Ну что за прелесть! Просто бриллиант среди хоббитов!⁴¹»

За свои положительные качества Фродо удостоивается титула Друга Эльфов, а это для тех же эльфов не последний знак уважения к чужакам, и понятно, что удостоенный этой почести не такой уж и чужак.

Что еще странного во Фродо – относительно других хоббитов, конечно? *«Временами, особенно осенью, он вдруг начинал грустить о каких-то диких краях и странные видения незнакомых гор наполняли его сны⁴²»*. С возрастом ген бродяжничества, роднивший его с Бильбо, не ослабевал, а напротив, усиливался: *«Он теперь часами просиживал над картами и все гадал – что там, за границами, что таят эти сплошные белые пятна⁴³»*

Странности объединяют Фродо и Бильбо – хотя и не унаследованы первым от второго: Бильбо – дядя Фродо, а не отец. Остальные добропорядочные хоббиты почитали их за наследие одного их шепутного предка, Старого Тука. *«Матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трех достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Страну Реки... Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туксов взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туксах и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из них пускался на поиски приключений⁴⁴»*. Бильбо, единственный сын Белладоны, *«по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаши, получил от Туксов в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить⁴⁵»*. Когда Бильбо слушал песню гномов, он ощутил, как в нем *«проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости⁴⁶»*.

Так закладывались Толкином основы той странности, которая сделала его героя столь необычным – и, при всей кажущейся нелепости, столь подходящим для своей великой миссии. Но еще более странным Фродо делается в «процессе прохождения квеста». Он начинает меняться, причем очевидно; он как будто преображается.

В первый раз мы сталкиваемся с этим в Ривенделле, где Фродо приходит в себя после преследования Черных Всадников и раны, полученной от Короля-Чародея.

«Гэндальф придвинул кресло к кровати и тепло посмотрел на хоббита. Щеки Фродо порозовели, глаза смотрели ясно и внимательно. Легкая улыбка бродила по лицу,

⁴⁰ Там же. С. 42.

⁴¹ Там же. С. 78.

⁴² Там же. С. 46.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или туда и Обратно. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 10.

⁴⁶ Там же. С. 24.

и вот здесь, пожалуй, что-то было не совсем в порядке, но даже маг не мог уловить, что именно. Какой-то прозрачный отсвет... да вот еще левая рука, как-то слишком спокойно лежащая поверх одеяла...

«Этого и надо было ожидать, - подумал Гэндальф. - Он одолел только полпути, а что будет в конце, даже Элронд не скажет. Но уж, наверное, ничего плохого. А станет он в конце, как хрусталь, наполненный чистым светом, если найдутся глаза, способные это увидеть!» - неожиданно решил он⁴⁷».

Когда Сэм, много страниц и событий спустя, оплакивает Фродо на перевале, думая, что тот умер, у Фродо «бледное и прекрасное, как у эльфа, лицо⁴⁸».

Впрочем, не всегда Фродо преображается в «эльфийскую» сторону. Когда он брал с пойманного ими Горлума клятву верности, «Сэму на миг почудилось, что Горлум съежился, а его друг, наоборот, вырос и принял облик могучего Владыки, чей блеск скрывало серое облако⁴⁹». Здесь могла проявиться скорее магия Кольца, или ее эхо. В предпоследнем столкновении с Горлумом Сэм снова видит «обоих соперников другим зрением. Во прахе лежало нечто, едва ли большее, чем тень живого существа, нечто побежденное, разбитое, но еще исполненное алчности и бешенства; а над ним высилась суровая, недоступная более для жалости фигура, облаченная в белое, с огромным огненным колесом на груди. И из этого огня звучал властный голос:

- Уходи и не смущай меня больше! Если ты еще раз коснешься меня, то будешь сброшен в Огненную Пропасть!

Распростертое существо съежилось, в его пылающих глазах был ужас, но было и неутолимое желание.

Шут видение исчезло, и Сэм увидел обычного Фродо, стоявшего, задыхаясь, с прижатой к груди рукой, а у его ног – Горлума, упавшего на колени⁵⁰».

И раньше, когда Сэм находит Фродо в плену орков, лишенного одежды, ему кажется, что «Фродо одет в пламя: лампа, свисавшая сверху, заливала его обнаженное тело алым светом⁵¹».

Конечно, все это сводится к восприятию одного персонажа другим в контексте происходящих с ними событий и переживаемых ими эмоций. Но Фродо и впрямь меняется. Помимо изменений обычных, связанных с усталостью, испытаниями, ответственностью, «моральным ростом» героя, имеют место и другие – странные, почти магические. Иногда это соблазны и иллюзии Кольца, или скрытые проявления его воли и сущности. Но делать Фродо, изначально хоббита, «невысокого, крепенького, краснощекого», как описывал их всех Гэндальф, эльфоподобным – вряд ли это зачем-то нужно было Кольцу. Возрастание силы и доброты героя тут тоже не причем: подобные перипетии переживают все герои романа, включая трех остальных хоббитов, но с ними ничего подобного не происходит. Нет, речь не об аллегории нравственного роста или внутреннего качества – сила или справедливость выражаются соответственно и как-то иначе. Речь о проступании сквозь фигуру героя какой-то иной фигуры, преследующей Фродо, Толкина, текст, а с ними и читателя, на протяжении всего «Властелина Колец»,

⁴⁷ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 189.

⁴⁸ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 98.

⁴⁹ Там же. С. 19.

⁵⁰ Там же. С. 250.

⁵¹ Там же. С. 224.

хотя и не всегда заметным, явственным образом (недаром тема скрытого преследователя так важна для некоторых его частей).

Кто же этот загадочный незнакомец?

§4. Великий Отсутствующий Персонаж

Для начала, образование вокруг Фродо некоей «зоны тени», скользящей перспективы, может быть банально связано с тем, что он не придумался целиком, как есть, сразу. Собственно, так со всей книгой. «Хоббит» создавался последовательно и весь вырос из своей первой фразы. Плюс, он был сказкой, которую Толкин сочинял для чтения своим детям на ночь. «Властелин Колец», вытребованный издателем, был книгой, именно что литературной задачей, оказавшейся куда более сложной, чем сочинение, рассказывание и записывание «Хоббита» (хотя и там Толкин хлебнул трудностей). Долгое время Толкин, уже обдумывая книгу, называл ее про себя просто: второй «Хоббит». Ее сюжет стал внятен не сразу. На месте главного героя в мыслях автора по-прежнему оставался Бильбо, хотя с этим Толкин разобрался быстрее всего: возможности Бильбо как центрального действующего лица были исчерпаны еще в «Хоббите», и повторяться не имело смысла. Тогда-то на место Бильбо и заступил его не то сын, не то племянник Бунго, тоже отправившийся в путешествие. А именем «Фродо» Толкин до поры называл одного из его спутников-хоббитов. И лишь постепенно все пришло в тот вид, который нам известен. Мы знаем, что по-настоящему дело сдвинулось с мертвой точки, когда Толкин догадался о Кольце, что оно – в центре всего и обладает огромной силой, а также значением для всего мира. Выкристаллизовался сюжет – подобрался герой; точнее, стало ясно, что прежние варианты точно не годятся, и надо искать новый. Точно так же бродячего хоббита Непоседу, которого Фродо и компания встречают в «Гарцующем Пони» по первым прикидкам автора, пришлось заменить человеком-следопытом Арагорном, который далее по сюжету становится предводителем всех свободных народов и наследником трона Гондора. Метод повышения ставок, практикуемый в покере, в писательском деле тоже не редкость – здесь это обычно не блеф, а единственный порой способ спасти книгу.

Но не было ли у Толкина когда-то – если не желания написать другую книгу, то, как минимум, образа *какого-то другого героя*, с которым у него в силу разных причин ничего не вышло? Да и какую колоссальную тень отбрасывал «Сильмариллион», над которым, повторимся, Толкин работал всю жизнь – а если «Властелин Колец», как сказано в его прологе, это книга «в основном о хоббитах⁵²», то ведь «Сильмариллион» – это книга в основном об эльфах! И разве не забросил Толкин, написав только три главы, роман «Потерянный путь», в котором непосредственно хотел описать гибель «своей Атлантиды» – древней морской державы Нуменор, низвергнутой за бунт против богов в пучину океана? Главные герои той несостоявшейся истории – благородный Элендил и его сын Эрендил, поддающийся чарам Саурана, злого духа, ложью вдохновившего нуменорцев на мятеж. Говорить теперь, постфактум, легко и безапелляционно, почему тот или иной замысел не удался, дело, конечно, не самое хорошее. Но предположим, что «хоббит» как персонаж действительно послужил ключом, если не отмычкой (вспомним, именно в качестве «Взломщика» нанимают Бильбо гномы, чтобы проникнуть в свою гору) для Толкина, камертоном, по которому ему наконец-то удалось настроить свое звучание, стиль, наладить повествование? Как Аарону, брату Моисея, в опере Шенберга не давалось слово, так Толкину мог не даваться его же собственный мир – пока он наконец не нашел

⁵² Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 13.

способ сказать «Сезам, откройся!». Возразят, что «Сильмариллион» удался и без хоббитов. Отвечу снова: во-первых, не при жизни Толкина, а во-вторых, не уверен. Без событий «Властелина Колец» «Сильмариллиону» как саге не хватало завершения. «Хоббит» проложил дорогу «Властелину Колец», а тот, в свою очередь – «Сильмариллиону». В таком порядке обычно перечисляют основные книги Толкина, и думаю, это справедливо.

Мы найдем у Толкина и еще один любопытный пример писательской неудачи – правда, на этот раз с продолжением, а не с началом истории. Толкин планировал написать вторую часть сказки «Фермер Джайлз из Хэма», но отказался от этой затеи. Главным героем продолжения должен был стать уже не комический Джайлз, а его сын Георгий, в компании пажа Суэта. Знакомый расклад. Но здесь этот прием не сработал. Толкин объяснял это тем, что Оксфорд, который он взял за основу для выведенного в сказке Малого Королевства, сильно пострадал от бомбежек во Вторую мировую, и «прежнего Малого Королевства больше не существует». Но вот что интересно: Толкину удалось войти в мир истории с помощью, в общем, комического персонажа, и не удалось то же самое с другим, очевидно, менее комическим или вообще не комическим. То ли не придумывался сюжет; то ли он не хотел повторяться; то ли боялся (оправданно), что его во второй раз занесет совершенно случайно в огромную, изматывающую работу, на которую уже не было сил. Так или иначе, мы имеем определенную закономерность.

Теперь, возвращаясь к «Властелину Колец», спросим себя еще раз: мог ли Толкин изначально, пускай даже в очень смутном виде, думать о каких-то других вариантах развития истории книги? Не обязательно этой конкретной книги – возможно, был некий *набросок истории, некое подобие персонажа*, которые всегда привлекали его внимание, но по разным причинам не могли реализоваться сами. Тогда осколки, следы этого нереализованного замысла могли всплывать здесь и там, оживать и проступать на фоне других, достигших воплощения историй, составляя как бы их глубину, неожиданную и незапланированную перспективу, смысловое ответвление, уходящее в никуда – говоря словами одного современного фантаста, в великое Несбывшееся писателя Толкина. Подобно тому, как картину порой пишут поверх другой картины, или даже сложнее – как иногда написать картину можно, только написав какую-то другую картину, но почему-то не ее саму. Иногда открывается лишь окольный путь. И пройдя его до конца, вдруг понимаешь, что он-то и был главным, что именно им и следовало пойти, а то, что казалось таковым вначале, потому и не сбылось, что большаком лишь казалось, но в действительности им не было, не содержало таких возможностей. Дело тут не в квази-дарвиновском «естественном отборе идей». В мире должны быть тени, отражения, эхо, призраки и мишура – они дополнительное свидетельство его, мира, полной, плотной реальности. Кому-то/чему-то выпадает именно такой жребий.

§5. Что говорит философия

Впервые этим вопросом – для чего нужны, почему допущены в существование ничтожные вещи мира – задался Платон. Что-то *должно быть* тенью и отражением предмета. Так распределяются роли в известной нам единственной реальности. Но в творчестве, где каждое произведение – это отдельный мир, отдельная вселенная, порой новая, все еще интереснее. Творчество дает шанс, что то, что было обречено на роль тени здесь и сейчас, там, в следующей реальности, в новом творении, получит справедливый шанс на большее бытие. На этом, мне кажется, основаны, делаются в принципе возможными (по определению Канта: хотите понять вещь – задайте условия ее возможности) всякое литературоведение, всякая история литературы как чего-то единого,

как непрерывного процесса или исторического субъекта, по Гегелю. Если мы притязаем на историю как на развитие чего-то одного, проходящего через разные формы и этапы становления, тогда мы должны допустить, что самой простой сутью такого движения будет чередование бытия и небытия, возвышение одних и падение других. А затем, в перспективе вечности – неизбежное повторение, возвращение на круги своя. Ахилл снова погибнет под Троей. Нет ничего нового под солнцем – вот только что это за солнце, солнце дня какой длины? Наверное, божественного дня, зона. Возвращение – это закон справедливости: никто не потерян, не убит до конца, не пал навсегда. В вечности время смыкается в кольцо, в змею, кусающую собственный хвост. Все вернется. От тени до бога, и обратно до тени, и снова до бога – так устроено бытие. Гераклит, открывший это, говорил: «люди – смертные боги, боги – смертные люди». Это не значит поверхностного, дурного остроумия теорий вроде «человекоподобия богов» у греков, или «бог создал человека, а человек ответил ему тем же» Вольтера. Это означает: человек – смерть бога, бог – смерть человека. И то, и другое – формы одного, волна, колеблющаяся в диапазоне от Всего до Ничего. Потому Гераклит и говорил своим гостям, собравшимся в большой храм на главной площади, обведя рукой крошечную кухоньку своей убогой лачужки: и здесь все полно богов. Бывших и будущих, пускай сейчас они – пыль под ногами (или просто мы, говорящие о них). Миф, как скажут потом, это то, что было и что будет, но никогда не то, что есть. Платону приходится поправить своего великого предшественника Парменида: признать, что Небытие все же, как-то, может *быть*. Вещи уходят в ночь прошлого, но и возвращаются из нее – только через другие врата, те, которые от нас скрыты. Это врата, отделяющие не настоящее от прошлого, а прошлое от будущего. Уйдя от нашего взгляда туда, куда тот не в состоянии последовать, они достигают точки предела и, обернувшись, приходят снова – но не назад из прошлого в настоящее, а от предела небытия в начало нового бытия, в будущее, пройдя полный цикл, превосходящий, конечно, жизнь и познания одного человека. Это объясняет, кстати, почему Платон утверждал, что жизнь рода и есть единственная доступная человеку вечная жизнь. Только сознание нескольких последовательных носителей фиксирует и уход, и возвращение (одной и той же) вещи – слишком велик промежуток, арка, дуга, слишком широк шаг мифа. Но вместив его в себя, став свидетелем Вечного Возвращения, хотя бы его микро-этапа, ты и сам как бы становишься вровень с вечностью – только как исторический субъект, а не индивидуальный. Впрочем, как индивидуум, ты можешь устремиться к знанию, оставленному другими, не пережить, но умственным взором вобрать в себя отпечаток, след этого шага. Поэтому жить умом – счастье и божественная участь. Увидеть полный размах вселенной не под силу никакому поколению, народу, стране, даже человечеству – оно само лишь момент этих приливов и отливов. Но вообразить умом, прочувствовать его, если угодно, *пафос* – можно. Овладевающий умом восторг и трепет такого созерцания передается дальше и вовне только силой искусства. Поэтому искусство, поднявшись до степени *величия*, способно потрясать, и потому Аристотель скажет: искусство – это *образ в душе*. А тот, кто непосредственно созерцает все моменты этого вечного движения как настоящее, и есть Бог богов, счастливейшее и блаженнейшее из существ – потому что только в абсолютной вечности справедливость гарантирована и неизбежна, и ты можешь увидеть ее торжество реально наступающим. Рано или поздно, так или иначе. Никакой ад, никакое зло не вечны. Единственный философский вопрос, который действительно стоял на повестке античности – это не утверждение (так понятого) Бытия; это-то как раз вопросом не было и сомнений не вызывало. Проблема была в статусе момента Настоящего, *Nun*. Ведь именно в нем заключалась жизнь человека; в нем, пускай виртуально, цельность бытия во времени как бы разрывалась, перспектива абсолюта меркла, а душой овладевало терзающее чувство своей отдельности, из которого произрастал страх смерти, уже не исцеляемый поднятием парящего взгляда ума до

созерцания вечности, в которой все отдельные моменты сливаются и становятся равны. Постепенно божественное в душе умалюсь, а человеческого делалось все больше. Явилось на смену античности христианство. Ницше, поставивший себе целью ниспровергнуть христианское мировоззрение, вновь заговорил о Вечном Возвращении как сути жизни, о необходимости преодоления человеком «человеческого, слишком человеческого» ради счастья божественности, ради «великого здоровья». Но это уже другая история – история философии и история как предмет философии.

В искусстве – в данном случае, в литературе – мы видим этот процесс выраженным через художественное подобие жизни. Нынешний герой может быть в прошлом спутником тогдашнего героя, его антагонистом, третьим человеком, случайным мимоходом, собакой, лающей в ночи за чьим-то забором, тенью облака на холме, вообще ничем. И тем не менее, он *там*, он *уже всегда там*, он содержится, заключен в собственном отсутствии. В прошлом он – Великий Отсутствующий Персонаж, знак самого себя. Но это *его* прошлое, а не прошлое вообще. Прошлое – это *то, что до меня* в смысле того, что передо *мною*, что предшествует *мне*. Предшествует герольд, вестник, тот, кто возвещает. Ангел. Вспомним здесь, кстати, «Взгляни на дом свой, ангел» Томаса Вулфа. Дом – это место, где предстоит наконец-то родиться, воплотиться, явиться, врата в настоящее. То, во что сегодня *верят*, вчера лишь *воображали*, сказал Уильям Блейк. Но родиться – это одновременно и сбыться, достигнув полноты воплощения, и обречь себя на плен настоящего: одиночества, страха, смерти. Герой еще совсем недавно – или, наоборот, страшно, необозримо и невыразимо давно – мог быть лишь «кроткой каменной улыбкой ангела», бликом лунного света в окне, тенью, призраком самого себя. Он идет к себе, к своему настоящему, к выходу на сцену – к тем самым подмосткам, стоя на которых, ловишь «в далеком отголоске, что случится на твоём веку» – сотней, тысячей безумных путей, о которых ведаёт только Бог и вообразить которые способен только художник. И вот он приходит, и в его голосе, приветствующем мир и объявляющем о своем прибытии, слышатся одновременно и триумф, и поражение. Восход и закат, начало и конец, расцвет и гибель сливаются в вечности. Настоящее – голгофа любого бога. Именно так, беря за точку отсчета эту ускользающую, присутствующую самим своим отсутствием фигуру, которую Ж. Делез называл «темным предшественником», Ницше рассматривает существо греческой трагедии классического периода: «...нечто несоизмеримое в каждой черте и в каждой линии, некоторая обманчивая определенность и в то же время некоторая загадочная глубина, даже бесконечность заднего плана. Самая ясная фигура всегда имела за собой, как комета, какой-то хвост, указующий куда-то в неопределенное, неуяснимое. Тот же сумеречный полусвет лежал на всем строении драмы...⁵³». Согласно Ницше, это объясняется тем, что истинный герой у всех трагедий – один, и это бог, Дионис, а страдания известных нам героев трагедий – отраженный свет его страданий. «Неопровержимое предание утверждает, что греческая трагедия в ее древнейшей форме имела своей темой исключительно страдания Диониса и что в течение довольно продолжительного времени единственный сценический герой был именно Дионис. Однако с той же степенью уверенности можно утверждать, что никогда, вплоть до Еврипида, Дионис не переставал оставаться трагическим героем, но что все знаменитые фигуры греческой сцены – Прометей, Эдип и т.д. – являются только масками этого первоначального героя – Диониса. То, что за всеми этими масками скрывается божество, представляет одно из существенных оснований для вызывавшей столь часто удивление типичной «идеальности» этих знаменитых фигур⁵⁴». Впрочем, «Диониса, доподлинного героя сцены и средоточия видения, соответственно этому анализу и сообразно преданию вначале, в наидревнейший период трагедии, в действительности нет налицо, он лишь

⁵³ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. М.: Мысль, 1996. С. 100.

⁵⁴ Там же. С. 93.

предполагается как наличный... Позднее делается опыт явить бога в его реальности и представить образ видения, вместе со всей преобразующей обстановкой его, как видимый всем взорам⁵⁵». Дионис у Ницше – великий отсутствующий персонаж греческой трагедии.

§6. Хоббит как аналог ВОП

Но вернемся к Толкину. О своем «отсутствующем персонаже», эльфийском принце, он так и не написал – хотя на протяжении всего «Властелина Колец» этот персонаж угадывается за Фродо, клубится вокруг него, проступает, как икона из-под замазки (не следует, однако, понимать эту метафору как принижение Фродо). Это видно по всем перечисленным нами (и множеству других, наверняка ускользнувших от нашего внимания) моментам текста. Даже финал, не снившийся «Хоббиту» – после окончания войны и падения Саурона эльфы забирают Фродо и Бильбо с собой в Валинор, на земли богов и светлых эльфов, куда обычным смертным вход закрыт – частично подтверждает это. Понятно, что в основном это жест справедливости и милосердия – герои Толкина свершили великие дела, а их раны нуждаются в исцелении. Но все же именно перед Фродо открываются эти врата; герой под стать истории. Когда по «Властелину Колец» снимали фильм, его создатели тоже достаточно отчетливо проводили линию Фродо как «принца хоббитов».

Конечно, все эти соображения и идеи могут показаться натянутыми, надуманными и не имеющими прямого отношения к великой книге Толкина и ее героям. Но я все же рискну дать последнюю цитату. В «Сильмариллионе» описано, помимо прочих горестных событий, случившихся с изгнанными из Валинора за мятеж эльфами, падение Дориата – одного из эльфийских княжеств. В основе конфликта было притязание сыновей Феанора, великого мастера и одновременно первого мятежника среди эльфов, на право владеть волшебными *сильмариллами*, кристаллами с немеркнущим светом внутри, созданными им и похищенными темным владыкой Морготом. Один из сильмариллов эльфам при помощи героя-человека, Берена, удалось вернуть. Но сыновья Феанора объявили, что никто, кроме них, не достоин обладать наследием их отца. *«И вот они явились внезапно в середине зимы, и билась с Диором в ТЫсяче Пещер; и так случилась вторая братоубийственная война между эльфами. Там от руки Диора погиб Келегорм, пали Куруфин и мрачный Карантур; но и Диор был убит, и погибла жена его Нимлот; а жестокие слуги Келегорма схватили юных сынов Диора и бросили их умирать от голода в лесу. Мазврос воистину сожалел об этом деянии и долго искал их в лесах Дориата, но поиски его были напрасны, и о судьбе их не говорит ни одно предание⁵⁶».*

Вот и пропавшие эльфийские принцы – даже два... Конечно, за всю историю толкиновского мира их было, наверное, куда больше. Но этой потере нашлось место в тексте, пускай и пара строк. Потом пал Гондолин – а мы помним, многие сакральные эльфийские артефакты происходят, по Толкину, именно оттуда. Собравший их делается *героем, которого никогда не было* – вроде бы не эльфом, но уже и не совсем хоббитом. Он не превращается в эльфа буквально – но тот как будто просвечивает сквозь него. И вот уже его размытый облик начинает складываться, ткаться из узора деталей, а его шаги на грани слышимости начинают тревожить героев и читателей в глухих тупиках и непонятных закоулках сюжета. Он тенью стелется за героем, бликом странного света ложится на его лицо. Он с ним до конца. Но герой уходит, а отсутствующий персонаж

⁵⁵ Там же. С. 87.

⁵⁶ Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М.: Изд-во «Гиль-Эстель», 1992. С. 263.

обречен на вечное продолжение своего присутствия-отсутствия. Куда дальше ляжет его путь? Очевидно, в другие книги, к другим авторам, за пределы толкиновского мира и века. Ниточка будет тянуться, а проницательный взгляд и ловкие руки – наподобие хоббичьих – всегда помогут выследить и ухватить ее.

Правда, и с хоббитами как таковыми не все просто.

Хоббиты, мы знаем, появились в мире Толкина случайно. Точнее, они вообще никак не появлялись – правда, это выяснилось позже, когда был опубликован «Сильмариллион». Для читателя – современника Толкина, знакомившегося с его книгами по мере выхода последних, в хоббитах нет ничего удивительного – ведь именно с них для него начинается путешествие по миру Толкина. Однако для читателя после «Сильмариллиона», в котором изложен порядок творения этого мира, хоббит – явление странное. Толкин и сам это прекрасно понимал.

Эру Илуватар, творец мира, создатель Айнур (младших богов) и Майар (духов-помощников), Эльфов и Людей, не создавал хоббитов. По крайней мере, напрямую об этом в «Сильмариллионе» ничего не сказано. Ни один из богов-правителей мира тоже вроде не создавал их, подобно тому, как Ауле, бог-кузнец, создал когда-то гномов – а Илуватар дал им «душу живую». Недаром старого энта (духа леса) Фангорна встреча с хоббитами изрядно сбила с толку.

« - Кто вы такие, вот что интересно знать. Я не могу найти вам места. Похоже, вас нет в старых списках, которые я учил в молодости. Правда, это было так давно... Могли появиться новые списки. Посмотрим, посмотрим! Как это там...»

Помни о всех обитателях мира!

Знай: есть четыре свободных народа:

Эльфы, пришедшие в древнее время;

Гномы, живущие в темных пещерах;

Энты, рожденные дикой землею;

Люди – им гордые кони послушны...

Длинный этот список. Но как бы там ни было, вы, похоже, в него все равно не вмещаетесь!

- Ох! Мы всегда не вмещаемся в старые списки и в старые истории, - вздохнул Мерри, - хотя и существуем уже довольно давно. Мы – хоббиты.

- Почему бы не придумать новую строку? - предложил Пиппин.

Хоббиты малы в норках уютных...

Помести нас среди тех четырех, следом за людьми – и все будет в порядке⁵⁷.

Откуда хоббиты взялись? Кто их создал? С позиции постмодернистской иронии, ответ очевиден: их создал профессор Толкин, в тот самый день, когда ему в голову пришла обессмертившая его строка: «в земле была нора, а в норе жил да был хоббит». Но самому Толкину было, скорее всего, не до смеха: хоббит оказался чрезвычайно удобной и полезной придумкой, он позволил Толкину подступить к своему величественному миру путем совершенно необычным – и быстро преуспеть. Но хоббит пришел извне, из фантазии Толкина, которая была, как у любого писателя, больше любого создаваемого с ее помощью отдельного мира – а не родился «естественным» образом внутри этого мира. Многие критики отмечали чудной характер присутствия полукомических буржуа-хоббитов в торжественном и архаическом Средиземье с его королями, магами, драконами и битвами.

⁵⁷ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. Сс. 366-367.

Не был ли уже хоббит, хоббит как таковой, Великим Отсутствующим Персонажем книг Толкина?

Был, конечно; но в то же время, он довольно ощутимо присутствовал – отсутствовало лишь *объяснение* его присутствия, нечто такое, что Лейбниц назвал бы «достаточным основанием». И Толкин взялся это самое основание под хоббитов подвести. В результате появилось даже два.

Первое – как ни странно, эволюционистское. Странно потому, что Толкин, как человек глубоко верующий, учение Дарвина со всеми его аспектами вряд ли сильно уважал. Тем не менее, вот что он сообщает в прологе к «Властелину Колец»:

«Совершенно понятно: хоть и разошлись мы с ними за долгие века, но когда-то были они нам родня, куда ближе Эльфов или тех же Гномов. И язык у нас с хоббитами общий был, и любили-ненавидели мы примерно одно и то же. Но где, в каком колене это родство – теперь уже не вспомнишь. В незапамятных стародавних днях остались корни хоббитов⁵⁸».

Согласно этому взгляду, хоббиты – отделившаяся ветвь эволюционного древа человека. Ну, допустим – хотя любой, кто помнит их описание, поймет, что сближение хоббитов с людьми жест не менее причудливый, чем описание «по-эльфийски прекрасного лица Фродо». Хоббиты *«народ маленький, ростом чуть поменьше гномов, и не такие кряжистые, конечно. По нашим меркам – фута три-четыре в вышину. Сейчас-то и трехфутовые – редкость, а в давние дни, конечно, бывали и повыше... Хоббиты, населявшие Шир, были веселым народом, одевались в яркие цвета, а обувались редко – подошвы у них были, что твоя подметка, и ноги, кнizu в особенности, покрывал густой курчавый волос (как, впрочем, и головы), чаще всего шатеновой масти⁵⁹».*

Можно сказать, что в пользу общего эволюционного корня говорит описание хоббитов как «гуманоидов». Но в этом смысле и эльфы, и гномы – тоже «гуманоиды». Точнее, и человек, и другие обитатели мира Толкина соответствуют некоему единому Образу – он в той же мере «антропный», в какой, скажем, и «эльфический».

Другое обоснование наличия хоббитов – возвышеннее и теологичнее, под стать «Сильмариллиону», где оно и приводится, правда, без апелляции к хоббитам. Там говорится, что в начале времен Илуватар просвещал Айнур – богов-помощников, которых он создал, чтобы те участвовали в сотворении мира. *«Потому Айнур известно многое, что было, есть и будет, и немногое сокрыто от них. Есть, однако, то, чего они провидеть не могут – ни в одиночку, ни советуясь друг с другом; ибо никому, кроме себя самого, не раскрывает Илуватар всех своих замыслов, и в каждую эпоху появляются вещи новые и непредвиденные, так как они не исходят из прошлого⁶⁰».*

Хоббиты как новое творение Бога – вовсе не нелепо. Толкин отнюдь не был снобом и выпендренным романтиком, которому обязательно подавай нечто величественное и грозное. Нет; радость, веселье, шутки, хорошее настроение, вообще праздничная атмосфера очень важны для него и как для писателя, и как для человека. Как христианин, он верит, что истина дарует надежду, а не оставляет разум равнодушным или в отчаянии. Поэтому забавные хоббиты не вступают в «непримиримое противоречие» с духом его книг – напротив, они его оживляют и формируют в не меньшей степени, чем былинные, эпические герои-люди, эльфы или гномы. И маг Гэндальф, посланник богов и покровитель хоббитов, не прочь посмеяться: *«его смех был как музыка или как вода в*

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М.: Изд-во «Гиль-Эстель», 1992. С. 6.

*знойный полдень*⁶¹». И загадочный обитатель Древлепуци Том Бомбадил в своем голубом жилете и желтых ботинках, громко распеваящий всякую чепуху, расхаживает без страха по мрачным тропам заколдованного леса, а жена его – Речная Дочь, и сам он, оказывается, «*Хозяин в лесах и водах, в лугах и холмах, Хозяин, Живущий Здесь*⁶²». Однако его обиталище ничем не напоминает дворец, замок, крепость или храм, а за его столом легче «*весело распевать, чем просто говорить*⁶³». Кто такой Бомбадил, откуда он на самом деле взялся? Мы этого не знаем. Но незнание не портит нам книги, не омрачает впечатления от чтения. Том Бомбадил тоже в каком-то смысле Великий Отсутствующий Персонаж. Однако, несмотря на это, он здесь, и хотя мы абсолютно сбиты с толку и ничего уже не понимаем, нам с ним хорошо – как нам хорошо с хоббитами, эльфами, гномами, энтами, людьми, орлами и даже орками, когда мы читаем «Властелин Колец» и разделяем то волшебство, которым он держится.

Литература

Карпентер Х. Джон Р. Р. Толкин. Биография. Пер. с англ. А. Хромовой. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 432 с.

Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Пер. с нем. Г. А. Рачинского / Сочинения в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.

Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – М.: ТО «Издатель», 1993. – 448 с.

Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. – М.: ТО «Издатель», 1993. – 400 с.

Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. Пер. с англ. Н. Эстель. – М.: Изд-во «Гиль-Эстель», 1992. – 416 с.

Толкин Дж. Р. Р. Хоббит, или туда и Обратно. Пер. с англ. М. Каменкович. – СПб.: Изд-во «Азбука», 2000. – 672 с.

Шиппи Т. Дорога в Средьземелье. Пер. с англ. М. Каменкович. – СПб.: ООО «Издательство Лимбус Пресс», 2003. – 824 с.

References

Carpenter, H. Djon R. R. Tolkien. Biografia [J. R. R. Tolkien. A Biography]. Moscow: EKSMO-Press Publ., 2002. 432 pp. (In Russian)

Nietzsche, Fr. Rojdenie tragedii iz duha muzyki/Sochinenia v 2-h t. T. 1 [The Birth of a Tragedy/Works in 2 vol. Vol. 1]. Moscow: Mysl Publ., 1996. 829 pp.

Shippey, T. A. Doroga v Sred'zemel'e [The Road to Middle-Earth]. Saint-Petersburg: Limbus Press Publ., 2003. 824 pp.

Tolkien, J. R. R. Hobbit, ili Tuda i Obratno [The Hobbit, or There and Back Again]. Saint-Petersburg: Azbuka Publ., 2000. 672 pp.

Tolkien, J. R. R. Silmarillion [The Silmarillion]. Moscow: Gil-Estel Publ., 1992. 416 pp.

Tolkien, J. R. R. Vlastelin Kolez. Knigi 1-3. [The Lord of the Rings. Books 1-3]. Moscow: TOO Izdatel' Publ., 1993. 448 pp.

Tolkien, J. R. R. Vlastelin Kolez. Knigi 4-6. [The Lord of the Rings. Books 4-6]. Moscow: TOO Izdatel' Publ., 1993. 400 pp.

⁶¹ Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. IV – VI. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 256.

⁶² Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец. Кн. I – III. М.: ТО «Издатель», 1993. С. 111.

⁶³ Там же. С. 112.

«The Lost Elven Prince» as the type of Great Absent Hero in J.R.R. Tolkien Works

Nikolai N. Murzin,
Institute of Philosophy RAS

Abstract: Tolkien's creative legacy offers to mere readers as well as critical explorers a wide range for possible interpretations and personal intuitions – just because of its ideological and aesthetical complexity. Yet for now there are fewer works concerning the inner logic and interconnection of Tolkien's basic motives than the outer parallels of what he wrote to the well-known cultural, historical and even political discourses. This article tends to improve the situation. The author, analyzing Tolkien's fundamental trilogy ("The Hobbit", "The Lord of the Rings", "The Silmarillion") along with some lesser and incomplete stories, comes to the conclusion that there is a kind of an "absent hero", an empty form of some never-really-existent member in the list of Tolkien's dramatis personae which makes clearer a lot of strange hints and images throughout his groundbreaking texts.

Keywords: Tolkien, Nietzsche, Plato, plot, character, design, artifact.